

ODYSSEUS

Man in History

The Subjunctive
Mood in History?

2000

MOSCOW
«NAUKA»
2000

ОДИССЕЙ

Человек в истории

История в
сослагательном наклонении?

2000

МОСКВА
«НАУКА»
2000

ББК 63.3(0)
О 42

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, И.В. ДУБРОВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, В.Н. МАЛОВ,
СВ. ОБОЛЕНСКАЯ (зам. главного редактора), М.Ю. ПАРАМОНОВА,
П.Ю. УВАРОВ (зам. главного редактора), В.И. УКОЛОВА, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
Г.С. ЧЕРТКОВА (ответственный секретарь), А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук О.И. ВАРЬЯШ,
кандидат исторических наук Я.Г. ШЕМЯКИН

Одиссей. Человек в истории. 2000. — М.: Наука, 2000. - 344 с.
ISBN 5-02-010188-5

В сборник входят материалы "круглого стола", проведенного по такой увлекательной теме, как "История в сослагательном наклонении", статьи зарубежных и отечественных авторов, посвященные крупным фигурам или значимым тенденциям в современной науке. Кроме того, публикуются размышления Вяч. Вс. Иванова о путях и судьбах гуманитарных наук в XXI столетии, представлена традиционная для "Одиссея" рубрика "Картина мира в ученой и народной культуре" и др.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2000-П-№ 17

ISBN 5-02-010188-5

ISBN 5-02-010188-5

© Издательство "Наука", 2000
© Российская академия наук
и издательство "Наука",
серия "Одиссей. Человек в истории"
(разработка, оформление),
1989 (год основания), 2000

А.Я. Гуревич

ПОДВОДЯ ИТОГИ...*

На рубеже столетий и даже тысячелетий невольно испытываешь потребность осмыслить пройденный путь и подвести некоторые итоги. Ныне к этому настоятельно побуждают пережитые нами драматичные процессы во всех областях нашей жизни. Они не могут пройти мимо внимания историков, силою вещей поставленных в новую перспективу.

"Ремесло историка" не может не рассматриваться нами существенно по-иному, нежели это было привычно для наших предшественников да и для нас самих всего лишь несколько десятилетий тому назад. Все чаще говорят о кризисе исторического знания, но, насколько я могу судить, вкладывают в понятие "кризис" самые различные, а подчас прямо противоположные толкования. Что это за кризис? Порожден ли он увяданием или распадом нашей профессии либо же обусловлен изменениями в принципах исторического исследования, сменой парадигм? Я исхожу из мысли, что кризис представляет собой нормальное состояние науки, ибо там, где все ясно и вполне устойчиво, наступает застой. Ведь история как отрасль знания - это спор без конца.

По моему убеждению, историческая наука на протяжении XX столетия накопила столь огромный и уникальный опыт в области эпистемологии и на уровне исследовательской методологии, что можно говорить о ее глубоком качественном изменении по сравнению с историографией XIX в. Но, как мне кажется, этот опыт еще недостаточно всесторонне и глубоко изучен и освоен, и нам стоило бы над ним вновь и вновь призадумываться самым серьезным образом. Однако это в высшей степени сложная и многоаспектная задача.

Работа гуманитария не лишена субъективизма, и то, что я хочу сказать, представляет собой выражение взглядов историка-медиевиста, более полувека простоявшего "за верстаком". Иными словами, мои суждения ни в коей мере не претендуют на общезначимость. Я просто хотел бы поведать о том, как ведущие линии историографического развития преломились в моем восприятии и моей работе.

П. Бёрк рассказывает в своей опубликованной 10 лет назад книге, посвященной школе "Анналов", о разговоре между английским историком-марксистом Э.П. Томпсоном и Марком Блоком. Томпсон сказал ему: "Мне особенно интересно проследить за зависимостью духовных, идеологических структур от мощных движений в экономике, в социальном строе". Блок ему возразил: "А мне, коллега, представляется наиболее интересным и важным как раз противоположное - посмотреть, как эти идеальные структуры, выражающие ментальность людей, их картину мира, пронизывают социальные, экономические условия жизни, воздействуют на людей и трансформируют их". Я думаю,

* Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института всеобщей истории РАН 12 мая 1999 г.

что это замечание Блока выражает самую сущность того нового, что он, а затем и его школа, обычно именуемая школой "Анналов", внесли в развитие исторической науки.

Прошло не меньше 60 лет после этой беседы, и сейчас следует, вероятно, формулировать это несколько по-иному: речь идет не о том, что главное и что на что влияет. Не так важно, что является яйцом, а что курицей, важно понять социальное в широком смысле слова, с одной стороны, и идеальное, то, что происходит в головах людей - с другой, в их внутреннем взаимодействии, в их слитности и противоречивости; важно понять самый механизм этого исторического феномена, ибо нет таких экономических, социальных, политических и других материально оформленных структур, которые не несли бы на себе отпечаток человеческого сознания, человеческих представлений, индивидуальных и коллективных. Роже Шартье, представитель уже третьего поколения школы "Анналов", пишет о *культурной истории социального*.

Но, может быть, я ломлюсь в открытую дверь, все это знают, об этом много говорят. Проблема заключается не в том, чтобы постулировать ставшее уже тривиальностью. Речь о том, в какой мере удастся это сделать в материале, ибо историки мы постольку, поскольку можем по-новому трансформировать и интерпретировать материал, проникнуть в такие глубины, таящиеся в исследуемых нами источниках, которые доселе не были изведаны, и по-новому их рассмотреть. Вот, собственно, то, что представляется мне особенно важным, и здесь было чему поучиться с самого начала моей научной деятельности.

Прежде всего хотелось бы рассказать об учителях. Что касается учителей в прямом смысле слова, мне необыкновенно повезло. Я перебыл себя - мы недавно обсуждали вопрос об альтернативности исторического развития, о постоянном нарушении закономерных связей случайностями, казусами и т.п., рассуждали о несвершившейся истории. Вещи в таком роде случаются и в нашей жизни, а потом это перерастает в некоторый лейтмотив человеческого поведения. Осенью 1944 г. на 3-м курсе МГУ я перешел с заочного отделения на стационар. Однажды в старом здании, на Моховой, я стоял внизу, в вестибюле. На стенах были вывешены огромные плакаты: каждая кафедра предлагала спецкурсы, спецсеминары, надо было что-то выбрать. Я никого и ничего толком не знал. Ко мне подошла знакомая девочка, на курс старше меня, и сказала: "Чем ты будешь дальше заниматься, решишь потом, а сейчас тебе надо пройти школу. Школу лучше всего пройти на кафедре истории средних веков у профессора Александра Иосифовича Неусыхина". За всю свою жизнь я не получил больше такого спасительного, хорошего и полезного во всех отношениях совета. На кафедре истории средних веков я и "прописался" и оформился как медиевист. Я думаю, что это отвечало каким-то внутренним, потаенным от меня самого интенциям.

А.И. Неусыхин был моим первым учителем. Это выдающийся ученый, но прежде всего великолепный педагог, который не жалел ни вре-

мени, ни сил для того, чтобы научить нас ремеслу историка. В какой мере мы сумели воспользоваться его уроками, зависело, естественно, от удачи тех сосудов, в которые это знание вливалось. Другим моим учителем был замечательный медиевист Евгений Алексеевич Косминский. Разумеется, когда смотришь на это 50 лет спустя, видишь, что та страница изучения социальной, аграрной истории, которую так существенно заполнили труды Косминского и его великих предшественников, уже перевернута. Сейчас мы смотрим на многое по-другому, но это была необходимая ступень в развитии исторического знания, и я счастлив, что учился у таких учителей.

Но вскоре обнаружилось, что нужно учиться по-новому, переучиваться, и в 50-х годах мне пришлось искать помощи в научной литературе. Мы были отрезаны от остального мира, и только постепенно передо мной раскрывались новые аспекты истории, плохо нам известные, о которых наши учителя, по тем или иным причинам, говорили мало - или потому, что они сами недооценивали новое направление, или же потому, что существовала некоторая цензурная преграда, не позволявшая им распространяться относительно достижений западной науки. Говорить о позитивном вкладе "буржуазной историографии", особенно современной, было невозможно, речь шла только о ее недостатках и пороках.

Я писал кандидатскую диссертацию по истории английского крестьянства в раннее средневековье (до норманнского завоевания 1066 г.) и пытался применить те модели, те ходы исследования, которые были внушены нам в семинарах, когда мы изучали историю франкского государства, Германии, Италии и т.д. И у меня не получалось - прежде всего потому, что источники говорили о других процессах, нежели те, которые обычно входят в круг понятия генезис феодализма. И в историографии тоже говорилось о чем-то другом. У великого английского историка-юриста рубежа XIX-XX вв. Ф.У. Мэтланда в его замечательной книге "Doomsday Book and beyond" — это было 100 лет назад - есть такая фраза: "мэноры (т.е. поместья, вотчины) спускаются сверху" в результате королевских пожалований. Между тем прекарии, закабаления крестьян и другие привычные для нас вещи я в источниках обнаружить не мог. А передо мной стояла задача опровергнуть буржуазного историка Мэтланда - шел конец 40-х годов. И вот в этом единоборстве пришлось признать, что Мэтланд прав, а та традиция, которую я пытался продолжать, наталкивается на упорное противодействие источников.

Но природа этих королевских пожалований земли монастырям, именитым людям, приближенным короля оставалась непонятной. На каком основании короли раздавали земельные владения, которые до пожалования не являлись их собственностью? На этот вопрос англосаксонские источники ясного ответа не давали. Я строил некоторые гипотезы, но далее продвинуться не мог. И тут мне пришла в голову

мысль, что нужно прибегнуть к своего рода авантюре. Нужно обратиться к ранней истории Скандинавии, поскольку ее развитие шло медленнее, чем развитие других стран, включая Англию, не говоря уже о континенте Европы. Может быть, здесь удастся уловить более архаические формы землевладения и вообще более архаическую структуру общества. Так и вышло.

Я думал, что посещаю Скандинавию, чтобы выяснить какие-то вещи, а затем вернуться на Британские острова. Но я был потрясен богатством открывшегося передо мной материала. Ничего подобного по многообразию и выразительности источников, отражающих те процессы, которые меня занимали, в других странах Европы я найти не мог. Кроме того, здесь действительно можно было получить более убедительные, нежели в английском материале, ответы на мои вопросы, а именно: что представляли собой пожалования, подобные английским королевским пожалованиям? В специфической северной форме я находил их и в Норвегии.

Пришлось столкнуться с такой проблемой, о которой не говорилось в семинарах и не было речи в литературе, с проблемой роли дара в социальных отношениях. Я обнаружил систему обмена дарами, которой, надо сказать, скандинавские коллеги долгое время не придавали особого значения. Правда, в начале века датский историк Вильгельм Грёнбек писал об этом, но его гениальные работы были забыты в скандинавистике, на них ссылались очень редко, его мысли об обмене дарами остались в стороне. Между тем в источниках содержался изобильный материал, свидетельствующий, что система обмена дарами в скандинавском обществе была тем, что замечательный французский этнолог Марсель Мосс впоследствии назвал тотальным или глобальным социальным фактом. Выяснилось, что эта система обмена дарами не является некой константой, которую этнологи отмечают применительно к народам разных континентов и ранних стадий развития, - она претерпевает некоторые изменения. Первоначально это была дары, которыми люди обменивались между собой, или дары, которые получали дружинники от могущественных людей. Я обнаружил, что происходит трансформация института обмена дарами, равно как и феномена пиров.

С той точки зрения, в духе которой я был воспитан, эти вещи казались irrelevantными: зачем изучать какие-то пирушки, какие-то обмены дарами? Все это лежит в стороне от магистрального пути развития феодальных отношений. Но оказалось, что именно здесь происходили те процессы, завершение и большую зрелость которых я обнаружил в англосаксонских дарственных грамотах. Ибо пиры и обмен дарами в итоге приводили к тому, что право пользования этими благами правитель мог пожаловать своим приближенным, и из этой временной системы пожалований вырастали уже ранние вотчинные или полувотчинные отношения. Об этом я говорю подробнее в своей статье "От пира к лену" в "Одиссее 1999".

Но при изучении этих материалов я убедился в том, что для того чтобы понять социально-экономические процессы, необходимо представлять себе, что происходило в сознании людей. Выше я назвал некоторых своих учителей. Но наиболее впечатляющий урок дали мне сами участники древнескандинавской истории и те, кто оставил нам о них свидетельства. Обилие материала дало мне возможность подойти к изучению исторического процесса с другой стороны. Ибо обмен дарами - это не просто акт полужономического или псевдоэкономического содержания. В нем присутствует материальная сторона, хотя далеко не всегда. Но в нем есть другое. Конунг, жалующий своему приближенному кольцо или плащ, или каролингский меч, или корабль, передает ему не просто материальную ценность, но нечто гораздо более драгоценное для того, кто это получал: он делится с ним своей магической "удачей", своим "счастьем", своим "везеньем". Мне уже приходилось об этом неоднократно писать, и сейчас я хочу лишь подчеркнуть, что, изучая природу дара, приходится переходить из регистра социально-экономических отношений или политических связей в какой-то другой регистр, где речь идет о мировоззрении и поведении людей, об их верованиях, религиозных представлениях, о магии, об этике - и в итоге о психологическом и вместе с тем социальном статусе участников изученных мною трансакций...

Таким образом, логика исследования привела к постановке совершенно новых для меня проблем. И я убедился в том, что параллельно со мной, опережая частично, в своей работе подходили к этому материалу историки других стран. Я нашел подобные указания в работах Ж. Дюби и других французских и немецких историков и понял, что традиция понимания культурной истории социального была заложена давно.

Еще в 1924 г. была опубликована книга Марка Блока "Короли-чудотворцы". Речь шла о том, что короли Франции и Англии начиная с XII-XIII вв. прикосновением могли излечивать больных золотухой (и это верование продержалось в Англии до конца XVIII, а во Франции вплоть до первой трети XIX в.). Эта классическая работа М. Блока впервые в исторической науке, как бы опережая время (она и резонанса в историографии не имела вплоть до послевоенного периода, когда Блока уже не было в живых), предлагала новое понимание самой специфики королевской власти в средневековом обществе, отношений между людьми, отношения к магии, к мистике, к религиозным представлениям и ритуалам.

Затем выяснилось, что подобные подходы практиковали и последователи М. Блока. Жак Ле Гофф в работах рубежа 50-60-х годов рассматривал проблему времени, которая во второй половине нашего столетия встала как историческая проблема перед многими исследователями. Но как ее интерпретирует Ле Гофф? Речь идет о том, как используется время, самый отсчет времени теми или иными социальными группами. В своей знаменитой работе "Время церкви и время куп-

ца" Ле Гофф показал, как социальный контроль, осуществлявшийся, в частности и, может быть, в первую очередь через контроль над отсчетом времени, постепенно ускользал из рук церкви и переходил в руки представителей городского населения, и выяснил, что за этим скрывалось.

Движение мысли имело совершенно определенную направленность и происходило одновременно в нашей стране и за рубежом. Все это заставило пересмотреть сами подходы к изучению исторического процесса. Оказалось, что историк не может просто погружаться в материал, даже если это новые для нас источники или же давно опубликованные пласты источников, но под углом зрения, избранным исследователем, ранее не рассматривавшиеся, и поэтому представляющие собой некоторую целину, привлекающую богатством материала. Но для того чтобы ее возделывать, необходим соответствующий концептуальный аппарат. Между тем концептуальный аппарат был заложен в сознание людей моего поколения в последний период сталинской диктатуры, когда работа была очень затруднена, наши контакты с западной наукой были разрушены и их невозможно было восстановить. Но мы были молоды и пытались что-то искать. Выяснилось, что для того чтобы понять те новые проблемы, которые передо мной вырисовывались (поначалу весьма смутно, неясно), нужно выстроить какую-то другую концепцию самого исторического исследования, рассмотреть эпистемологические проблемы исторического познания.

С конца 50-х и особенно в 60-х годах начался пересмотр многих проблем истории. В разработке новых подходов к истории шестидесятники не так мало сделали, как иногда сейчас кажется иным представителям молодого поколения. Но лейтмотивом в этой работе для нас была формула: новое прочтение Маркса. Новое прочтение Маркса действительно давало очень многое: оказалось, что у Маркса есть работы, сравнительно недавно тогда впервые переведенные на русский язык, которые были плохо освоены историками и представлялись им мало понятными. Когда в 1970 г. меня "прорабатывали" за "Проблемы генезиса феодализма", мне инкриминировали антимарксистские мысли, а это было не что иное, как возвращение к тому, что содержалось в социально-экономических рукописях Маркса 1858-1859 гг., возвращение в свете нового опыта. Это было непривычно, привыкли к другому Марксу, к своеобразной советской форме понимания марксизма. Тогда речь шла у нас не о том, чтобы отвергнуть марксизм, а о том, чтобы понять, как он вписывается в систему исторической мысли, что в нем остается рациональным — методы, подходы, но не сама философия истории и социальные пророчества.

Но этого было недостаточно. Нужно было освоить эпистемологические работы, которые были написаны после Маркса. Я вспоминаю, каким откровением было для меня знакомство с работами Виндельбанда, Риккерта, Трёльча, но прежде всего Макса Вебера и как обнаружи-

лось, что эти работы, обсуждавшие преимущественно теоретические аспекты гуманитарного знания, как бы перекликаются с тем, что делали представители школы "Анналов" на конкретном историческом материале, - те историки, которые начиная с Февра и Блока подчеркивали свою независимость от философии, свою, если угодно, враждебность к немецкой философии, свое нежелание рассуждать на уровне отвлеченных понятий. Но, по-видимому, у немецких неокантианцев и анналистов были некоторые общие истоки, общие тенденции. Я бы определил их очень расплывчато, конечно, как новое движение исторической гуманитарной философской мысли в Европе и Северной Америке. В то время, о котором я сейчас вспоминаю, немалое влияние на исследовательскую мысль оказали такие разные научные направления, как структурализм, семиотика, историческая поэтика. И мы так или иначе, неосознанно или сознательно воспринимали новые импульсы и пытались по-новому строить свои конкретные исследования.

Историк может плодотворно творить, как я убедился на собственном опыте, только тогда, когда две линии — освоение теоретического материала гуманистики, ее эпистемологии и методологии, с одной стороны, и анализ новых проблем, которые подсказывают сами источники, с другой, — смыкаются и создается некое поле напряжения, в котором можно работать. Об этом легко сказать, но это далось огромным трудом. У меня лично годы ученья растянулись на целое десятилетие. Я считаю победой над собой то, что признал свое поражение в полемике с Мэтландом. Это было в 1949-1950 гг., а когда я дошел до новых подходов в исследовании, казалось бы, тривиальных проблем истории, начинались 60-е годы. Самообразование, самообучение шло, конечно, очень медленно.

Когда я, не разбирая броду, кинулся с Британских островов на скандинавский Север, то в силу молодости, смелости, наглости меня не останавливало, что там другие языки, другие тексты и надо все это осваивать, а наша скандинавистика в тот период по существу еще лежала в пленках; не было ни учебников, ни словарей, ни учителей, приходилось все осваивать кустарно, самому. Но передо мной была цель, которая все оправдывала: мне было очень важно освоить скандинавский материал, и, рассмотренный под новым углом зрения, он действительно дал мне необычайно много. Я понял, что не могу рассматривать формы земельной собственности, элементарные формы эксплуатации крестьян крупными землевладельцами (это и на севере диком, конечно, имело место) отвлеченно от того, что в источниках все больше и больше выдвигалось для меня на передний план; это были центральные проблемы, от которых уйти было невозможно и от которых я решил не уходить. Эти проблемы - картина мира средневекового человека, восприятие им времени и пространства, отношение к природе и собственности, оценка богатства и бедности, понимание права и того, какую роль оно играет в жизни людей в средневековую эпоху. Возника-

ли и специфические вопросы литературоведческого и источниковедческого свойства: как оценивать те или иные жанры - саги или поэзию скальдов, эддические песни или рунические надписи и т.д.; все это приходилось рассматривать для того, чтобы проникнуть в тайны сознания этих людей. Ибо не понимая их сознания, не понимая тех движущих "идеальных" причин и представлений, которые определяли их поведение, невозможно было понять и материальную сторону жизни.

На опыте удавалось постепенно осваивать культурную историю социального. Я помню, каким энтузиазмом я был исполнен, когда увидел, что открывается совершенно новый простор для исследования, причем это вовсе не связано с тем, что нужно отбросить как изношенное, негодное, то, чему учили мои старики-учителя. Нет, то, чему они меня учили, отчасти вписывалось в эту гораздо более сложную и широкую картину. Я не был склонен к нигилизму. Я был склонен к тому, чтобы вместить то, что мною было воспринято в семинарах Московского университета, в более широкий, всеобъемлющий антропологический контекст. Естественно, приходилось заново пересматривать вопросы, унаследованные от предшественников. Тогда понятие антропологии не очень широко применялось историками, оно оставалось достоянием этнологов, того, что у нас тогда называлось этнографией. Но я помню, как лет 10 назад у меня разгорелся спор с покойным академиком В. Алексеевым. Он был специалист по исторической антропологии, и я претендовал на то, что я специалист по исторической антропологии, но предметы у нас были разные: он имел в виду физическую антропологию, а я антропологию, которая связана с самыми разными аспектами исследований. Этот наш спор счастливо увенчался тем, что мы друг друга поняли. Но понятие антропологии начало вторгаться в историческое исследование.

Я перебыл себя следующим соображением. Полагают, что в истории исторической науки, как, впрочем, и в истории любой науки, накопление нового материала подводит исследователей к новым рубежам, и они начинают пересматривать то, что казалось абсолютно ясным и аксиоматичным. В действительности все обстоит далеко не так просто и гладко. В тот период, о котором я вспоминаю, наша историческая наука уже совершенно явно переживала застой, и даже лучшие ее представители едва ли осознавали новые перспективы и возможности ее обновления. Это последнее пришло скорее извне - из родственной, но все же обособленной дисциплины - этнологии.

Перед исследователем, который работал в полевых условиях, среди людей архаических обществ, вырисовывались структуры, в которых каким-то образом сочетались и органически взаимодействовали самые разные стороны жизни изучаемого племени - клановая система, трудовые процессы, обмен, семейные отношения, ритуалы, традиции и предания, верования... Вдумчивым этнологам приходилось вырабатывать новые вопросы, с помощью которых они могли бы охватить все эти феномены.

Заслуга основателей школы "Анналов" Февра и Блока заключалась прежде всего в том, что они поняли существенность использования подобных антропологических вопросников при изучении уже не "холодных" обществ (так Леви-Стросс характеризует архаические социумы, в которых изменения происходят столь медленно, что принадлежащие к ним люди игнорируют историю), но "горячих", в частности европейских средневековых. Само собою разумеется, речь шла не о механическом переносе методов этнологии на изучение истории (что попросту невозможно), но о рассмотрении этих "горячих" обществ в свете новой проблематики. Не симптоматично ли то, что свой капитальный труд о феодальном обществе, посвященный анализу социально-экономических и политических его основ ("Societe feodale"), Блок предварил обсуждением таких вопросов, как восприятие средневековыми людьми природы, хода времени, прошлого, преданий; короче говоря, анализом картины мира? Февр и Блок позаимствовали у этнологов и антропологов понятие *mentalite*, переосмыслив его, поскольку речь шла уже не о каком-то гипотетическом "первобытном мышлении" (по Леви-Брюлю), но о содержании сознания людей, живших в существенно ином обществе, и о том "умственном инструментарии", который был присущ людям в средневековой Европе.

Что это означало для исторического исследования? Историк уже не мог довольствоваться описанием общества и составляющих его групп как бы "извне", исходя из тех категорий и представлений, какие присущи ему самому. Он должен пытаться вскрыть структуру мысли, представлений и верований людей изучаемой им эпохи. Иными словами, история должна быть изучена не только "извне", но и "изнутри", с позиций действующих в ней лиц. Только при соблюдении этого основополагающего принципа историки могут избежать модернизации прошлого и тех анахронизмов, какими, к сожалению, нередко избилуют наши сочинения. С полным основанием этот новый взгляд на историю, предполагающий принципиально иные подходы к источникам, был назван "коперниканским переворотом".

Повторю еще раз: провозглашать подобные принципы и реализовать их в исследовательской практике, в ходе конкретного анализа источников - разные вещи. Но ведущие представители школы "Анналов" и вслед за ними - некоторые другие историки сумели создать немало исторических трудов, в которых продемонстрирована применимость и плодотворность историко-антропологического подхода.

Я продолжал исследование в указанном направлении, и круг вопросов. Делавшихся предметом моих размышлений, постоянно расширялся. Так, например, рассматривая проблемы восприятия времени, как неотъемлемого компонента картины мира людей средневековья, я не мог уклониться от рассмотрения времени в контрасте с вечностью. Но это поставило меня перед необходимостью изучать *visiones*, рассказы о посещениях мира иного, и, следовательно, углубиться в более общий

вопрос об отношении к смерти и посмертному суду: противоречивое восприятие потустороннего мира вырисовывалось передо мной в качестве одной из центральных загадок средневекового сознания. Здесь, в частности, неожиданно возник вопрос о двух культурных традициях - ученой, культуры *litterati*, и культуры *illitterati*, неграмотных.

В результате от изучения категорий средневековой культуры, взятых в целом, пришлось обратиться к изучению так называемой народной культуры средневековья. Иными словами: затрагивая один из компонентов средневекового мирозерцания, невольно сталкиваешь камень, движение которого влечет за собой целую лавину, - проблемы множатся и усложняются, и вместе с тем возникает неумный аппетит, стремление вгрызаться в их существо.

Скандинавские штудии, не теряя своей притягательности, послужили вместе с тем стимулом к тому, чтобы атаковать под указанным углом зрения самые разные, относящиеся к разным странам Запада источники, как на латыни, так и на народных языках.

Вскоре оказалось, что мои работы, посвященные анализу скандинавских и других европейских источников, представляют интерес не только для тех, кому я их адресовал. А кому я их адресовал? Я понимал, что наша подцензурная отечественная медиевистика в большинстве своих представителей не склонна будет принять их доброжелательно или с пониманием. Через голову своих высокоученых коллег я хотел обращаться к молодежи, к студентам. Все мои книги были адресованы именно этой категории людей: они были задуманы для того, чтобы воздействовать на умы тех, кому принадлежит будущее в науке.

И вдруг я обнаружил, что то, о чем я пишу, представляет интерес для немецких, французских, английских, итальянских, японских, испанских и американских историков. Большая часть моих книг оказалась переведенной на множество языков. Я надеюсь, вы меня правильно понимаете — я нахожусь в таком возрастном классе, что хвастаться мне уже совершенно ни к чему, я просто констатирую некий историографический казус, который сам по себе заслуживает, как мне кажется, рассмотрения. Историк, работающий в Москве или в Калинин, где я 16 лет преподавал, не только не имевший возможности поехать на Запад, но и не представляющий себе, что это когда-нибудь станет возможным (мне иной мир казался находящимся в другом измерении, ощущение, которое в то время было, вероятно, у многих людей нашего поколения), убеждается, что часть историков этого иного мира занимается теми же проблемами, что и он, и то, что делает он, представляет для них интерес. Когда наконец в 1988 и 1989 гг. я получил возможность выезжать на Запад с чтением лекций и для участия в конференциях, я узнал, что мои книги рекомендованы в качестве обязательной литературы для студентов самых разных стран мира. Таким образом, были достигнуты результаты, о которых я, конечно, не мог и помышлять. Я убедился, что эксперимент удался, и то, что я написал, не является чем-то доморощенным.

Но здесь стоило бы обратить внимание на специфику ситуации медиевиста, работающего в России. Французские, английские, немецкие и другие историки сидят на "подножном" материале своих источников и, более того, они внутри той культурной традиции, которую, как медиевисты, изучают. Человек, работающий в нашей стране, отчасти тоже в этой традиции, но лишь отчасти, ибо мы тоже включены в иную традицию; в какой мере здесь Восток смыкается с Западом - проблема, как вы знаете, сложная, и я не собираюсь даже подробнее ее обозначать, а тем более обсуждать. Но остаются сложности, порождаемые позицией "вне-находимости". Возникает вопрос: может ли историк-медиевист, работающий здесь, быть интересным для историков, работающих на Западе? Я думаю, может, но при условии, что он не будет отрекаться от того интеллектуального Background'a, который характерен именно для нашей исторической традиции. Не нужно изолироваться, но мы должны знать почву, на которой произросли, и не отрекаться от нее.

Со второй половины XIX столетия в трудах виднейших русских историков-аграрников - И.В. Лучицкого, Н.И. Кареева, А.Н. Савина и прежде всего П.Г. Виноградова, который, по выражению Мэтланда, открыл английским историкам богатство их собственных архивов, Д.М. Петрушевского, Е.А. Косминского (этот список можно продолжить) - очень рельефно проявился интерес к простому человеку. Это было продиктовано определенной потребностью нашего общества конца XIX — первой половины XX в. Мы не можем сейчас продолжать работать так, как наши предшественники, это уже перевернутая страница. Но вклад наших дедов и отцов остается значимым, и этим мы, помимо прочего, можем быть интересны на Западе.

Но не только в этом дело. Мы прошли более интенсивную марксистскую школу, мы проходили ее иначе, нежели западные историки, которые, конечно, тоже все это прошли. Марксизм долгое время был той пищей, которая меня и моих коллег питала. Я думаю, что это не только некоторое ограничение, но и сосредоточение нашего интереса на определенных, весьма существенных проблемах. Я давно уже не марксист, ни не могу себе представить ни своего интеллектуального развития, ни интеллектуального развития человечества с конца ХХ и в XX в. без этой колоссальной фигуры, при всем ее не оправдавшем себя, развенчанном историей профетизме.

И еще одно обстоятельство. Мне лично очень повезло в том отношении, что удалось встретить в источниках Исландии и Норвегии необычайное обилие материала, позволившего ответить на встававшие передо мной вопросы. То, что мне удалось соединить свои знания медиевиста с конкретной исследовательской методикой работы над скандинавским материалом, придало моим работам определенную привлекательность в глазах французских коллег, у которых почти никакой скандинавистской традиции не было. Существуют две разрозненные отрасли медиевистики, между которыми нет почти никаких связей. Это

исследовательская традиция изучения источников и истории народов Европейского континента и Британских островов - историки Франции, Англии, Германии, Италии, с одной стороны, и скандинавистика, у которой есть свои проблемы; между ними, как правило, нет почти никаких контактов. Медиевисты не знают, что делалось в средние века в скандинавских странах, во всяком случае, они не впитали в себя аромата их источников, а скандинависты, у которых много своих сугубо профессиональных проблем, не очень глубоко интересуются тем, что происходило за пределами их территорий (об этом я несколько подробнее говорю в статье "Скандинавистика и медиевистика", публикуемой в "Одиссее 2001").

Если историк, работающий в нашей стране, ставит перед собой существенные проблемы, он может оказаться в кругу своих коллег на Западе на равных. Но у нас должен быть собственный голос¹.

И последнее: перед нами стоят сложнейшие проблемы дальнейшей перестройки исторической науки. Историки старшего и среднего поколения были воспитаны в той традиции, которая ушла, в тех подцензурных условиях, которые не могли не искривить наших мозгов и наших позвоночников. Мы выдавливаем из себя раба, но это не всегда получается. И сколько в нас еще осталось этого старого, не нам судить. Растет молодое поколение. Но его надо правильно ориентировать.

Меня очень тревожат уверения в том, что историческая наука умерла и нет уже якобы никакого интереса к изучению тех тотальных или глобальных структур, которые изучали люди моего да и следующего за нами среднего поколения, что нужно признать, будто история раздробилась на какие-то мелкие, разрозненные, не связанные между собой фрагменты. Здесь, конечно, налицо влияние постмодернистских истин, на которых я не буду останавливаться, ибо постмодернизм - это особая, очень сложная и деликатная тема. Я вовсе не склонен ни присоединяться к постмодернизму, ни отрицать возможности плодотворного воздействия этого нового подхода.

Перед нами очень сложная ситуация, и не нужно думать, что нигилистическое отношение к исторической традиции может нам помочь. Я понимаю стремление молодых людей - "сбросим Пушкина с корабля современности". Их задиристость естественна, так было всегда, но надо все-таки себя умерять. Очень хорошо сказал схоласт XII в.: "Мы подобны пигмеям, стоящим на плечах гигантов". Перед нами выбор: либо быть пигмеями, которые возвысились на плечах гигантов, с благодарностью воспринять то, что они сделали (что не мешает критическому подходу к их наследию), или же остаться просто пигмеями. Это проблема социальная, но я думаю, что она прежде всего индивидуальная, как и все эти проблемы. Из ответа на вопрос об отношении к исторической традиции вытекает все остальное.

Я столкнулся совсем недавно — за последние месяцы или даже недели - с такой точкой зрения: "полевые исследования" в городе Пари-

же я других местах на Западе якобы открыли, что историческая антропология уже умирает, ею никто не занимается, за исключением чудаков типа Жака Ле Гоффа и Жан-Клода Шмитта, которые по-прежнему руководят группой по исторической антропологии средневекового Запада в Ecole des hautes etudes en sciences sociales, а все остальные уже от них отвернулись. Меня удивляет это наблюдение. Мои наблюдения свидетельствуют о другом. На минувшей неделе я получил сборник, посвященный "сказочному людоеду-историку" - так в свое время Марк Блок определил работу историка - он подобен сказочному людоеду: знает, что там, где пахнет человеческой, его ждет добыча. И вот этот образ был обращен к Жаку Ле Гоффу - 1 января 1999 года ему исполнилось 75 лет. Выдающиеся историки (не только Шмитт, он из школы Ле Гоффа), но П. Тубер, М. Пастуро, Жак Ревель, Ален Буро и ряд других показывают в своих статьях, насколько жива и плодотворна историческая антропология.

Дело в том, что историческая антропология это не замкнутая школа (против этого всегда протестовали представители направления "Анналов"), и это не какой-то метод, который претендует быть универсальным; у историка есть много методов. Но историческая антропология выражает сущность новой парадигмы, новой ориентации всего гуманитарного исследования, не только исторического, но и в области искусствознания, социологии, в самых различных социальных науках. Историческая антропология не замыкается в себе, она охотно открывает двери для новых исследований. Вот я упомянул о своем споре с Валерием Алексеевым о том, как понимать историческую антропологию. Физическая антропология рассматривается школой "Анналов" как интегральная часть общей, исторической антропологии. Тело и его функции, секс и питание, отношение к смерти, отношение к ребенку - все это органически входит в программу исторической антропологии, и она постоянно впитывает в себя новые веяния. Она вовсе не закончилась, это иллюзия. Она будет трансформироваться, но это признак ее жизненности и необходимости. Она жива и поэтому изменяется и развивается. Вернуться назад невозможно, это та дорога, по которой так или иначе, вольно или невольно, мы идем, но одни по ней идут сознательно, а других влечет некая сила, с которой они пытаются бороться. Различие существенное.

Я думаю, что необходимо вновь и вновь продумывать отправные моменты нашего исследования. Профессиональных историков - по документам и по количеству исписанной бумаги - у нас очень много. Но быть историком на рубеже этих двух веков и даже тысячелетий становится непомерно сложной задачей - и в силу необходимости овладеть новыми пластами материала и новыми подходами к его изучению, прежде всего, в силу необходимости постоянного обсуждения проблем эпистемологии, теории, методологии. Конечно, это должно происходить не в отрыве от материала. Чтобы практика историка, его работа

"у верстака" была продуктивна и вписывалась в интеллектуальный арсенал современности, необходимо это его ремесло постоянно теоретически осмыслять и подвергать эпистемологическому экзамену. Много ли историков, задающихся подобными вопросами, и что мешает нам становиться историками с большой буквы? Это вопрос, который я обращаю прежде всего к себе, и может быть, кто-то не сочтет лишним задать его еще кому-нибудь.

¹ См.: *Scholze-Irrlitz L* Moderne Konturen historischer Anthropologie. Eine vergleichende Studie zu den Arbeiten von Jacques Le Goff und Aaron Gurjewitsch. Frankfurt a. M., 1994.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ?

<i>П.Ю. Уваров</i> ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
<i>К.В. Хвостова</i> СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (Роль многозначной логики)	10
<i>М.А. Чешков</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕ- СКАЯ НАУКА И РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МИР	14
<i>Л.И. Бородкин</i> ИСТОРИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ И ТЕОРИЯ ХАОСА	21
<i>А.В. Оболенский</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ КАК ОБЪЕКТ АЛЬТЕРНА- ТИВНОЙ ИСТОРИИ	27
<i>С.А. Экиштут</i> КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ, РАЗВИЛКИ И СЛУЧАЙНОСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ	33
<i>И.Н. Данилевский</i> СОБЛАЗН АЛЬТЕРНАТИВЫ	37
<i>А.Л. Юрганов</i> СВОЙСТВО ПОЗНАНИЯ, А НЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	40
<i>В.Д. Назаров</i> СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТИ РОЗНЬ	42
<i>О.А. Ржешевский</i> УЧЕННЫЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ О ВИРТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	45
<i>М.Ю. Пармонова</i> ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ: ПОВОД ДЛЯ БЕСЕДЫ ИЛИ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА? Опыт современной германской историографии	47
<i>Д.Э. Харитонович</i> МЕТОДОЛОГИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АЛЬТЕРНАТИВ- НОЙ ИСТОРИИ	50

<i>А.Я. Гуревич</i>	
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ: БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПОТЕРИ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	53
<i>ДИСКУССИЯ</i>	58
<i>Л.М. Баткин</i>	
СТРАННАЯ ТЮРЬМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ	64
<i>П.Ю. Уваров</i>	
РАЗВИЛКИ И ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И СЛУЧАЙНОСТИ (Попытка инвентаризации)	78

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

<i>Вяч.Вс. Иванов</i>	
СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ СРЕДИ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ В XXI СТОЛЕТИИ	86
<i>Мартин Дингес</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ "СТИЛЯ ЖИЗНИ" К "КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ"	96
<i>А.Я. Гуревич</i>	
ПОДВОДЯ ИТОГИ	125
<i>В.И. Стрелков</i>	
К ОНТОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Ф.Р. АНКЕРСМИТА	139

КАРТИНА МИРА В УЧЕНОМ И НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

<i>Найтхард Бульст</i>	
ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ. Социальные и религиозные реакции на эпидемии чумы в позднее средневековье	152
<i>П.В. Крылов</i>	
МУЖСКОЙ КОСТЮМ ЖАННЫ Д'АРК: НЕСЛЫХАННАЯ ДЕРЗОСТЬ ИЛИ ВЫНУЖДЕННЫЙ ШАГ?	186
<i>А.Л. Юрганов</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ	194

ОБРАЗ "ДРУГОГО"

<i>О.А. Савельева</i>	
ОБРАЗ "ЧУЖОГО" В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ. К проблеме этноконфессиональной самоидентификации	207

В.К. Ронин

КОЛОНИАЛЬНЫШ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ (20-30-е годы XX века) 223

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Каравашкин. Харизма царя. Средневековая концепция власти как предмет семиотической интерпретации (рец. на кн.: Б.А. Успенский. Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998) 257

Л.А. Пименова. Как человек становится революционером? (рец. на кн.: Э.Х. Лемэ, Э. Патрик, Ж. Феликс. Революционеры за работой. Учредительное собрание, 1789-1791. Оксфорд, 1996; Т. Тэкетт. Становясь революционером: депутаты Национального собрания Франции и возникновение революционной культуры. Принстон, 1996) 275

И.К. Стаф. Роже Шартье: итог двух десятилетий (рец. на кн.: Р. Шартье. На краю обрыва. История между уверенностью и беспокойством. Париж, 1998) 288

Вокруг книги А.Л. Юрганова "Категории русской средневековой культуры"

А.Я. Гуревич. Из выступления на защите докторской диссертации А.Л. Юрганова 295

И.Н. Данилевский. Продолжение разговора с другом 302

Summaries 316

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 322

Юбилей Светланы Валериановны Оболенской 322

К 80-летию Георгия Степановича Кнабе 325

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Умер Андрей Григорьевич Тартаковский 330

Памяти философа 333

CONTENTS

HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD?

<i>P.Yu. Uvarov</i> INTRODUCTION	5
<i>K.V. Hvastova</i> THE MODERN EPISTEMOLOGICAL PARADIGM IN HISTORICAL RESEARCH (The role of polysemic logic)	10
<i>M.A. Cheshkov</i> THE HISTORICAL SUBJUNCTIVITY, THE POST-NON-CLASSICAL SCIENCE AND THE DEVELOPING WORLD	14
<i>L.I. Borodkin</i> HISTORY, THE ALTERNATIVE AND THE CHAOS THEORY	21
<i>A.V. Obolonsky</i> HISTORICAL JUNCTIONS AS THE SUBJECT-MATTER OF THE ALTERNATIVE HISTORY	27
<i>S.A. Ekshtut</i> COUNTERFACTUAL MODELLING, JUNCTIONS AND THE FORTUITOUS IN RUSSIAH HISTORY AND CULTURE	33
<i>I.N. Danilevsky</i> THE TEMPTATION OF THE ALTERNATIVE	37
<i>A.L. Yurganov</i> A PECULIARITY OF COGNITION RATHER THAN A CHARACTERISTIC OF THE HISTORICAL PROCESS	40
<i>V.D. Nazarov</i> NOT ALL SUBJUNCTIVITIES ARE THE SAME	42
<i>O.A. Rzheshvsky</i> BRITISH SCHOLARS ON VIRTUAL HISTORY	45
<i>M.Yu. Paramonova</i> HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD: A TALKING SUBJECT OR A SCIENTIFIC ISSUE? On the contemporary german research	47
<i>D.E. Haritonovich</i> THE METHODOLOGY AND THE MORAL MEANING OF THE ALTERNATIVE HISTORY	50

CONTENTS

A.Ya. Gurevich

CULTURAL HISTORY: COUNTLESS LOSSES AND WASTED CHANCES	53
DISCUSSION	58

L.M. Batkm

THE HISTORICAL NECESSITY, A WEIRD PRISON	64
--	----

P.Yu. Uvarov

JUNCTIONS AND DICE, ALTERNATIVES AND FORTUITIES (An attempt at stock-taking)	78
--	----

THE HUMANITIES' ISSUES

Vyach. Vs. Ivanov

PLACE CULTURAL SEMIOTICS INSIDE THE HUMANITIES OF THE XXI ST CENTURY	86
--	----

Martin Dinges

HISTORICAL ANTHROPOLOGY AND SOCIAL HISTORY: VIA THE "LIFESTYLE" THEORY TOWARDS THE "CULTURAL HISTORY OF EVERYDAY LIFE"	96
--	----

A.Ya. Gurevich

SUMMING UP	125
------------	-----

V.I. Strelkov

NOTES ON THE ONTOLOGY OF A HISTORICAL TEXT: SOME ASPECTS OF F.R. ANKERSMIT'S PHILOSOPHY OF HISTORY	139
--	-----

THE IMAGE OF THE WORLD IN THE LEARNED AND THE POPULAR MIND

Neithard Bulst

THE VENERATION OF SAINTS DURING THE PESTILENCE. Social and religious reactions on pest epidemics in late middle ages	152
--	-----

P.V. Krylov

JEANNE D'ARC'S MANLY DRESS: AN EXTRAORDINARY EFFRONTERY OR A FORCED MEASURE?	186
--	-----

A.L. Yurganov

FROM THE HISTORY OF THE TABOO VOCABULARY	194
--	-----

THE IMAGE OF THE "OTHER"

O.A. Savelyeva

THE IMAGE OF THE "STRANGER" IN THE OLD-BELIEVERS' FOLKLORE. To the problem of ethno-confessional self-identification	207
--	-----

V.K. Romm

COLONIAL MEMOIRS, DIARIES, AND LETTERS BY RUSSIAN
EMIGRANTS (of the twenties and thirties of the 20th century) 223

BOOK REVIEWS

Tsar's charisma. The medieval concept of power as the subject matter of semi-
otic interpretation (*A.V. Karavashkin's* review of B.A. Uspensky's "Tsar and
Patriarch: The Charisma of Power in Russia". Moscow, 1998) 257

How does a man become a revolutionary? (*L.A. Pimenova's* review of: E.H.
Lemay, A. Patrick, and J. Felix's "Revolutionaries at work. The Constituent
Assembly, 1789-1791". Oxford: Voltaire Foundation, 1996, 144 p.; T. Tackett's
"Becoming a Revolutionary. The Deputies of the French National Assembly and
the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790)". Princeton: Princeton
University Press, 1996. 355 p.) 275

Roger Chartier: Au bord de la falaise: L'histoire entre certitudes et inquietude.
Paris: Albin Michel, 1998. 293 p. (Review by *I.K. Staf*) 288

About A.L. Yurganov's "Categories of Russian Medieval Culture"

A.Ya. Gurevich. From the remarks concerning A.L. Yurganov's doctoral
dissertation 295

I.N. Danilevsky. Continuing the discourse with a friend 302

SUMMARIES 316

OUR JUBILEERS 322

Svetlana Obolenskaya's Jubilee 322

Towards Georgy Knabe's eightieth anniversary 325

IN THE MEMORY OF LOST 330

Dead is Andrey Tartakovsky 330

In memoriam philosophi 333